

Черная буря

Книга: "Морские были"

Составление, предисловие и примечания Л.Асанова

Издательство "Правда", Москва, 1990

Иллюстрации В.Григорьева

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 14 мая 2002 года

Мурманское становище, из которого туманным утром должна была выйти в море поморская шняка, притаилось в одной из небольших бухточек побережья, недалеко от Семи Островов. Это одно из очень мелких, неудобных становищ, потому что бухточка открыта всем решительно северным ветрам; но становище насижено исстари, чуть не со времен новгородцев, и оживает, с приходом поморов, каждым летом. Единственная защита бухточки состоит в том, что по самой середине входа, со стороны океана, входа, имеющего ширины не более ста сажен, поднимается со дна морского конусообразная, довольно хаотическая, груда черных скал. Острие этого конуса состоит из громадных глыб, налегающих одна на другую, по-видимому, очень неплотно и оставляющих даже большие дыры, просветы; но глыбы держатся, слиты воедино, прочнее всякого цемента, собственною тяжестью; этот незримый цемент держит их неколебимо. В просветы сквозит иногда солнце, смотрит месяц, а набегаящая океанская волна дает тут целые сонмы водопадиков и пускает фонтанчики.

И черны эти глыбы гранита, черны невероятно. Эта чернота мурманских скал, которые только изредка обнажаются от океанской воды, удивительна. Открытые ветрам, не покрываемые водою, скалы мурманского побережья в общем - розоваты, тогда как их собратья, предоставленные вечным, неистовым бурунам волны, словно обуглились. Они, будто цыганки, обожжены страстью горячего, степного солнца и, как цыганки, почти обнажены. А ведь это на глубоком севере.

Выгода бухточки, в которой стояла шняка, состоит именно в этой гряде скал, разбивающей всякую волну, идущую из океана; скалы пропускают ее мимо себя, сквозь себя, ослабленную, разорванную, подрезанную, и, в то время как другие, соседние волны, движимые могучим дыханием, лезут высоко, высоко на отвесные берега побережья, волны, зашедшие в глубь бухточки, сравнительно спокойно ложатся на береговые пески.

В бухточке могут разместиться три, четыре шняки, не больше. Хотя о полном спокойствии стоянки тут, при северных ветрах, не может быть и речи, но волны бухточки, качающие шняки на дрянных якорьках, все-таки ничто в сравнении с ветром, обдувающим их снасти, потому что каменная гряда у входа в бухту ветра не ослабляет, не подрезывает, и он врывается сюда с полною силою, дует всей грудью. Становище, то есть деревянные домишки и сарайчики его, пронизывается насквозь.

Но помор заботится больше о своих шняках, чем о себе: если их не разобьет, то ему до своей личности дела нет. Пусть продувает ветер, обжигая лицо и окостеняя руки, пусть негде помору обогреться, пусть гудит заунывный посвист и проникает к нему даже в видения сна, лишь бы цела бы его шняка.

Бесконечно долгое утро не отгоняло тумана и тянулось холодное, мглистое. Июнь задался на этот раз далеко не теплый. Солнца не видно было за многими слоями серых, свинцовых туч, густо и низко налегавших на серый, свинцовый, как они, океан. Кто кого окрашивал в серый цвет: океан тучи или наоборот? Белыми точками виднелись по этому томительному однообразию серого цвета быстро реявшие чайки; крик их был так же резок, как и изломы полета: в крике, как и в полете, было что-то томительно беспокойное, заунывное.

Ночевало в бухточке три шняки; две давно уже вышли в море, третья запоздала, но тоже готовились выйти, и весь экипаж ее - законных четыре человека поморской, шнячной артели имелись налицо и, видимо, торопились. Опоздала шняка по вине артели; но был еще и другой виновник - одно из неприятнейших млекопитающих мира, бог весть как зашедшее в Мурман, - крыса. Крысы перегрызли запасный якорный канат, да еще в нескольких местах; каната раньше не требовалось, его не осмотрели; пришла нужда - увидели, и, пока производилась починка, шняка опоздала. Артельщики-покрутки могли бы, конечно, осмотреть все свои принадлежности раньше, в свободное время, но поморы - русские люди, и время было потеряно.

- И откуда их, этого проклятого гнуса, крыс, - говорил старик, хозяин шняки, - у нас, на берегу, завелось?